

ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

г. Пермь, Сибирская ул.

Правда для правды, а не для красоты!
(Фёдор Достоевский)

ИМЕЕТСЯ ВОЗРАСТНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ: ДАННОЕ ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ
ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ (16+)

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
Пермской краевой общественной организации Союза писателей России
при поддержке Министерства культуры, молодёжной политики и массовых коммуникаций Пермского края

№ 3 (9)
6 мая 2013 года

[литературные вести]

■ ЮБИЛЕИ

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

В мае у двух пермских писателей, чьи имена известны далеко за пределами родного края, дни рождения, о которых приятно говорить: юбилеи.

Кстати, если говорить о возрасте – это далеко не предел, когда пора на пенсию, на покой. У наших мастеров слова грандиозные планы на только на грядущий год, но и на будущие десятилетия! Коллеги, друзья и товарищи поздравляют писателей-юбиляров и желают им вместе с крепким здоровьем значительных творческих удач и очередных литературных побед!

Виталий Анатольевич БОГОМОНОВ родился 13 мая 1948 года. Жил в Ординском районе Пермского края, сейчас – в городе Перми. Окончил филологический факультет Пермского государственного университета. Автор доброго десятка прозаических книг и поэтических сборников, среди которых «Глухарино утро», «Дороже сказочных земель», «Ночной гость», «Старые русские», «Три любви», «Душа плачет».

Лауреат Всероссийского литературного конкурса имени Василия Шукшина и других конкурсов, лауреат Пермской областной премии в сфере культуры и искусства, литературной премии имени А. Ф. Мерзлякова, кавалер ордена Достоевского II степени.

Игорь Николаевич ТЮЛЕНЕВ родился 31 мая 1953 года. Жил в Нытвенском районе Пермского края, сейчас – в городе Перми. Окончил Пермский строительный техникум, Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького. Автор большого количества стихов, опубликованных в Бельгии, Болгарии, Канаде, Польше, России, Франции, поэтических сборников, среди которых «Братина», «Кольчуга», «Небесная Россия», «Аргунское ущелье», «Альфа и Омега на цепи».

Лауреат международной премии «Имперская культура», Пермской областной премии в сфере культуры и искусства, других литературных премий, кавалер ордена Достоевского I степени.

■ ДАТЫ

9 мая – День Победы

68 лет назад нашими прадедами, дедами и отцами был добыт мир. Добыт кровью миллионов людей, сгоревших в огне Великой Отечественной войны. Благодаря им, безмянным и известным героям, у каждого из нас сегодня есть возможность жить. Жить – значит созидать, творить: радоваться и радоваться. А ещё помнить, ибо забыть – то же, что предать.

С праздником вас, жители Пермского края, граждане великой страны, с Днём Победы!

Пермская краевая организация
Союза писателей России

27 мая – Всероссийский день библиотек

Дорогие, уважаемые библиотекари! От всей души поздравляем вас с профессиональным праздником! Знаем, что вы для всех людей на особом счету, а у нас, в Пермском крае, ещё и горячо по-народному любимы, поэтому, наверное, наш пермский мишка всегда и везде ходит с книжкой. С праздником, дорогие библиотекари! Новых вам самых удивительных и самых впечатляющих профессиональных успехов! Счастья, здоровья, благополучия!

Ваши пермские писатели

■ С ДНЁМ ПОБЕДЫ!

Борис Валентинович ШИРШОВ,
1923–1975,
г. Союз писателей СССР

ПОСЛЕДНИЙ

Не ранее, чем в двадцать первом веке,
Считая от сегодняшнего дня,
Почтенный дед смежит устало веки,
Над ним поникнет горестно родня.

Прочтёт ли кто на помертвелом лике,
На потускневшем серебре наград,
Что умер воин той войны Великой,
Её последний доблестный солдат.

Ни одного участника былого,
Ни одного живого! Навсегда!
Не будет глаз живых, живого слова.
Всё отдаст минувшего грядя.

Ему – ни саркофага, ни бальзама.
Ему прощальный фронтовой салют.
А то, что он ушёл последним самым,
Быть может, это люди не учтут.

Он оставался, словно прикрывая
В бессмертие всех воинов отход.
Все отошли. И всех не забывает,
Всех признаёт живущими народ.

Грядущий век! Ты был спасён двадцатым,
Не допусти, чтоб вымерла Земля.
Последнему известному солдату
Зажги навечно пламя у Кремля.

■ СЛОВО РОССИИ

Николай ЗИНОВЬЕВ,
Союз писателей России,
г. Кореновск

ПОДСНЕЖНИК (МОНОЛОГ ЖЕНЩИНЫ)

Ты опять прошлялся в роще?
Воскресенье? Ну так что ж?
Посмотри: небритый, тощий,
На кого ты стал похож?

У других мужья как люди,
Выходной так выходной.
Сядут, выпьют, – кто ж осудит?
Что ты прячешь за спиной?

Ой! Подснежник! Мне? Откуда?
Как ты мог такое чудо
Отыскать в снегу, зимой?!
Следопыт... колючий... мой...

■ СОБЫТИЕ

«Я НЕ МОГ БЫТЬ НА ТОЙ ВОЙНЕ, НО Я ТАМ БЫЛ...»: презентация новой книги А. С. Зеленина

(Информация с сайта Пермской краевой детской библиотеки имени Л. И. Кузьмина: www.pkdb.ru)

Казалось бы, сколько можно писать и описывать события Великой Отечественной войны, для нынешних поколений уже очень далёкие!?

Да это просто необходимо, пока живут совестливые люди, которые помнят и проживают жизни за тех, кто положил на алтарь Великой Победы свои судьбы на полях сражений и в тылу в страшные дни Великой Отечественной...

В этом абсолютно убеждён пермский детский писатель Андрей Зеленин, представивший коллективу сотрудников ПКДБ им. Л. И. Кузьмина свою новую книгу – сборник «Про войну». В него включены уже известная повесть «Мамкин Василёк», рассказы «Герой Советского Союза», «Пять лепестков», «Про войну» и ранее не издававшиеся рассказы (всего 11 рассказов). Книга издана Пермской краевой общественной организацией «Пермский писатель» при поддержке Министерства культуры, молодёжной политики и массовых коммуникаций Пермского края, Пермской краевой общественной организации Союза писателей России.

Искренний и проникновенный рассказ автора тревожил душу, вновь заставлял переживать великие события, горечь неисчислимых утрат и феноменальный героизм советских людей (писатель верен историческим фактам и горько переживает за ложь и измышления в отражении событий Второй мировой войны). Так были близки и понятны описанные Андреем Сергеевичем боль и переживания, когда он создавал сборник.

Окончание на стр. 2. ►

Обложка книги
(первая и последняя страницы)

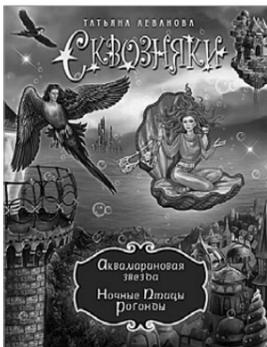
Директор ПКДБ им. Л. И. Кузьмина
М. В. Урих и автор книги А. С. Зеленин

Говорит о книге и авторе председатель
ПКОО Союза писателей России
В. В. Якушев

БЕРЕЗНИКОВСКИЕ «СКВОЗНЯКИ» ГУЛЯЮТ ПО РОССИИ

Как детский писатель Татьяна Сергеевна Леванова состоялась несколько лет назад, когда стала лауреатом всероссийского литературного конкурса «Ступени-2». Тогда же творчество этого автора из Березников заинтересовало московских книгоиздателей.

Одна за другой выходят у пермской писательницы книги, захватывающие читателя своими волшебными сюжетами.

В 2013 году уже известная у Татьяны Левановой серия «Сквозняки» выпущена двумя солидными томами – в каждом по 592 страницы! В каждом – приключения одной необычной девочки. Маша умеет проходить сквозь... ткань миров. Во всех мирах, в которых оказывается девочка, ей предстоит исполнить свою определённую миссию,

и тут главное: оставаться человеком – настоящим, то есть, добрым, искренним, правдивым, сочувствующим.

Книги Татьяны Левановой востребованы читателями, в библиотеках за ними часто возникает очередь – это ли не успех? Но пожелать новых успехов писателю – значит, простимулировать его на новые творения и... побаловать себя очередным увлекательным чтением. Творческих успехов, Татьяна!

Анна СНЕГИНА, г. Пермь

«Я НЕ МОГ БЫТЬ НА ТОЙ ВОЙНЕ, НО Я ТАМ БЫЛ...»

◀ Окончание. Начало на стр. 1.

32 года(!) он писал рассказ «Если меня убьют...» (первый в сборнике), который посвящён деду, Черепяхину Григорию Михайловичу, пулемётчику 112-й пермской дивизии, погибшему в самом начале войны. В 5-м классе, 12-летним Андрей Зеленин написал стихи о бабушке, которая всю жизнь ждала своего Гришу (ведь пришла всего лишь бумага со словами «пропал без вести», значит, он мог быть живым?!). Тогда мальчишке приснился сон, в котором он встретился со своим дедом там, на той войне... С этих строк «Я не мог быть на той войне, но я там был. Я до сих пор там...» и начинается рассказ.

Рождение новой книги как событие в пермской литературе отметили участники встречи. Среди них: В. В. Якушев, председатель Пермской краевой общественной организации Союза писателей России: «Обращение к документальным материалам и достоверность описанных событий усиливают впечатления от прочитанного»; М. В. Урих, директор Кузьминки: «Для нас радостно и значимо открыть ещё одну грань таланта Андрея Сергеевича, друга и соратника библиотеки»;

Л. Н. Копко, пермский писатель: «Книга Андрея Сергеевича о героях, которых так не хватает в нашей жизни. Я верю, что дети будут читать такую книгу о войне»; Д. И. Горобец, почётный директор ПКДБ им. Л. И. Кузьмина: «Этот сборник – факт хорошего мужского взросления А.С. Зеленина как писателя и как человека»; Е. Л. Герасимова, зав. краевым центром детского чтения: «Именно такие книги крайне необходимы подросткам. Надо сдирать корку с сердец». Рассказ из сборника «Я был бы Гитлером», который прочёл автор, побудил к обсуждению вопроса: с какого возраста можно читать детям такие книги? Именно библиотекари вместе с писателями и родителями должны находить верные «детские пути» для прочтения литературы о нашем великом прошлом.

А начинается сборник «Про войну» вот этими строчками: «Никого не хотел напугать, ничего не хотел приукрасить. Просто написал о том, что было когда-то. Причём было это не так уж и давно. Помните об этом, люди, не забывайте». И читайте правдивые книги о Великой Отечественной войне.

Елена БЕЗАЕР, г. Пермь

Галина ЧУДИНОВА, кандидат филологических наук, г. Пермь

СОЦИАЛЬНАЯ ДРАМА В ЗЕРКАЛЕ САТИРЫ

Острая, хлесткая сатира стала большой редкостью в наше время: правящим либеральным режимом искусственно насаждается сверху толерантность и политкорректность, приучающие людей терпеть всякого рода зло. Тем отраднее стало для читателей появление книги Нектора Хроника «Уксунь и её обитатели», вышедшей в 2012-м году в ЗАО «Редакция газеты «Звезда» тиражом в полторы тысячи экземпляров. В аннотации говорится, что «в книгу-памфлет вошли почти все «хроники» Уксунь, опубликованные в 2008–2012 годах в газете «Звезда», в звездинских приложениях «Звезда-Политика» и «С».

Уксунь – вымышленный посёлок, получивший статус города. Описание уксунских обитателей и их нравов в гротескной, доведённой порой до абсурда форме, даёт красноречивый образ новорусской провинциальной элиты. Особая же пикантность книги в том, что в основе «хроник» реальные явления и события, а многие персонажи узнаваемы.

Сатирический жанр, зародившийся ещё в античные времена, памятен многими шедеврами в истории мировой и отечественной литературы. Это и политические памфлеты Джонатана Свифта и его бессмертное «Путешествие Гулливера», и «Остров пингвинов» Анатоля Франса, и «Мёртвые души» Гоголя, и «История одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина. В русле этой же традиции создана книга-памфлет «Уксунь и её обитатели», представляющая собой ряд глав-хроник, в которых наряду с главными героями насчитывается сто восемьдесят девять персонажей.

Шаржированные портреты членов правительства Уксунь, полные юмора и сатиры их диалоги, колоритные сценки выборов членов Общественной палаты или проверки компьютерной грамотности у сотрудников сразу же погружают читателя в атмосферу полнейшего абсурда. Правит бал в Уксунь мэр Олег

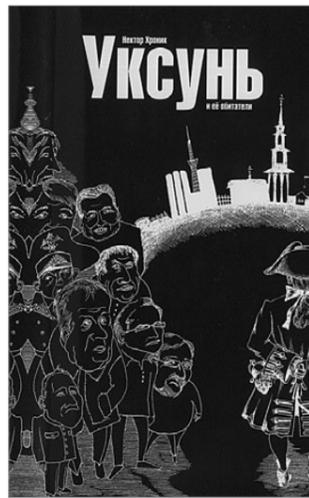
Железный: в образе его доминируют властолюбие и невежество, амбициозность и алчность. Под стать градоначальнику и его команда, но автор хроник мастерски выстраивает всю иерархию режима нуворишей. Железный подконтролен федеральному министру Э. Л. Петровичу, который по приказу президента приехал «создать скамейку запасных, чтобы не болела голова, кого назначать на высшие должности в регионах». К примеру, кандидат на должность мэра «должен быть богатым, чтобы не брать взятку».

Примечательно, что сатирический накал книги достигает своей кульминации в главах «Перфоманс», «Хождение в народ», «Кроликоферма», «Красные человечки», «Шаг к цели»: антикультура, заразившая Уксунь, точно чума, стала главным объектом нападок автора хроник. На фестивале «Мильгхамовы сезоны» прибыл друг министра культуры, известный галерист Шельман. Образ кучерявого Шельмана, вместе с Мильгхамом «распилившего» городской бюджет, дан гротескно, как и созданная им выставка современного искусства: «обглоданные кости, ржавые утюги и корыта, картины, слепленные из окурков и пивных пробок». Всё это, по замыслу Шельмана и шельманоидов, должно было сделать Уксунь культурной столицей мира, как и армада насаженных всюду красных человечков, «скульптура» «яблочный огрызок», поленицеобразная буква «П». Не правда ли, пермякам печально знакомы эти «творения» авангардистов? Социальная и культурная драма города разыгрывалась на их глазах.

Вакханалию бесов поддержали майор Глотка, премьер правительства Валя Мокрый, депутаты Бари Совет, Неуссоев да и другие гротескные персонажи. В моменты частых ссор готовы они пожаловаться то сурку, то медведю, а за всеми действиями этого зверья угадывается воля тётушки Хилари да Чёрного Барака. Сполна досталось в книге и оппозиции, представленной вечно пьяными есаулом Пырсом, Колей Грыжей, Костей Окунем и квази православным поэтом Харитоном Моржовым. Тщетно пытаются они бороться

Автор Сергей Трушников и обложка его книги

ся с заполонившими город красными человечками, федеральный министр Э. Л. Петрович ядовито внушает им, что «благие дела надо творить чистыми руками и на трезвую голову».

Художественной находкой автора хроник является полёт главных антигероев на мётлах в разгар затеянного ими показательного подметания улиц Уксунь: «Первым взлетел на метле Олег Железный. За мэром взмыл Шельман, затем – Валя Мокрый, Бенья, министры. Шельман при этом ощупывал растущие на голове рожки». Но «лучшие люди» скоро вернулись обратно из преисподней, где им ответили, что там и без них всякого дерьма хватает.

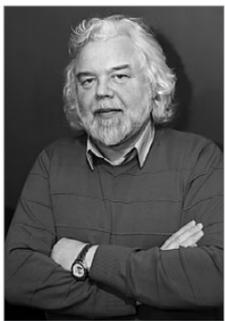
...К недостаткам книги можно отнести повторы в главах, где речь идёт об арестах то главных расхитителей бюджета, то представителей несистемной оппозиции. Художественное мастерство подчас снижает и приклатнённая лексика «тюремных» глав, типа «фули», «стропила», «гнать беса», «по фене ботать», «струя», «очко приходулют», «стремаган». В какой-то мере недочёты компенсируются завершающими каждую главу комическими стихами кудлатого поэта-орденоносца Харитона Моржова:

*Вот так Уксунь моя пропитана,
Моя родная сторона,
Без водорода-динамита
Досталась шельманам она.*

В целом же нельзя не отдать должного таланту, мужеству и гражданской позиции Сергея Васильевича Трушникова, взявшего литературный псевдоним Нектор Хроник. Хочется отметить великолепные рисунки Дмитрия Шайко и вообще очень удачное оформление книги. Книга-памфлет, несомненно, состоялась и порадует читателей. В этой связи уместно вспомнить слова из «Поэтики» французского классициста Николя Буало:

*Не злобу, а добро стремясь приблизить в мире,
Являет истина свой чистый лик в сатире.*

Ну, а если уксунские хроники кого-то заденут за живое, надобно вспомнить народную поговорку: «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива». Социальная драма, пережитая и переживаемая нашей Пермью, нашла своё яркое художественное воплощение в зеркале сатиры.

Игорь ТЮЛЕНОВ,
Союз писателей России

НАША ДОРОГА

Отцовскую шляпу надену,
И шляпа сидит по уму.
На русскую выйду арену:
– Как шляпа подходит ему!

Подходит Байкал мне и Кама,
И профиль скалистый в Крыму.
Шалапинская фонограмма.
Я тоже так рявкнуть могу!

По мне сталинградские степи,
С расплавленной вражьей броней.
По мне пролетарские цепи,
И те, кто был скован со мной.

И меркнет буржуйское семя,
Когда я в кабаке захожу.
По мне это подлое время.
И тяга страны к мятежу.

Стихии железной глаголы
Стопой обопрут на ять!
Беднейшие братья, монголы,
Нас скальпы научат снимать.

Напомнят, как делают чаши
Из срубленных вражьих голов.
На свете нет Родины краше!
И этих доходчивых слов!

Старый мост унёс поток,
Был апрель тот многоводным.
Опершись на батожок
Думаю: «А как сегодня
Перейду на берег тот?» –
Ни моста и ни баркаса...
Не окончен мой поход,
Там дорога – тоже наша!

Как дальше жить?
О чём мечтать?
Отечество не виновато.
Хотя приходится опять
Оберегать, что сердцу свято.

Стоять в родительской глуши,
В монастыре среди молитвы...
Горя, как пламя у свечи,
Как сердце юноши в час битвы.

ПЛАЧЕТ ЖЕНЩИНА

Плачет женщина над страницей
Тихо-тихо, почти не дыша,
А за окнами носится птица
Или чья-то шальная душа.

Может, чьё-то письмо запоздало,
А не думало запоздать,
Но слезинка на строчку упала
И заставила строчку дышать.

Потому ли, что жизнь быстротечна
И не всё, что в душе – на устах,
Плачет женщина, ночь бесконечна,
И опять что-то в мире не так...

Фёдор ВОСТРИКОВ,
Союз писателей России

ОТЕЧЕСТВО МОЁ

СТАЛИНГРАД

Двести дней и ночей продолжался
Смертоносно-убийственный ад.
Но в родимую землю вгрызался,
Не сдаваясь врагу, Сталинград.
Волга, дыбась, рвалась и металась,
Была в кручи кровавой волной.
На мгновение солдатам казалось:
Сгинет мир неземной и земной.
Днями солнца не зрили. Лишь тучи
Да пропахшие смрадом ветра.
Но катилось лавиной гремучей
Из времён бородинских: «У-ра!»
От лавины такой обессилев,
Наземь рухнул былой исполин.
А хоробрый спаситель России
Направление взял на Берлин!
Шли с боями, как в древности россы, –
Мразь паучью смегал ураган...
Матерь-Родина победоносно
Вознеслась на Мамаев Курган!

Виталий БОГОМОЛОВ,
Союз писателей России

ЧИК-ЧИРИК

О СОРОКАХ

Моросит. Грязна дорога.
Стороной – травища в рост.
На кусту сидит сорока –
Опустила мокрый хвост.

Тучи рваные зависли –
Серой тряпкой половой.
Белобока что-то мыслит,
Аж не крутит головой.

Стрекотуха явно в силе –
Всё, кажись бы, нипочём...
И сорокам, знать, в России
Есть задуматься о чём!

Ставят дом многоэтажный –
Кран упёрся в небеса!
Машинист мужик отважный –
Вверх взбирался полчаса...

Строят дом – кипит работа!
Люди, будто муравьи:
Кто-то ввысь, и книзу кто-то, –
Нормы делают свои.

Ставят домик монолитный:
Лепят соты-этажи.
Обыватель, знать, элитный
В этом доме будет жить...

Как бы ни было, а всё же
Хорошеет город наш!..

ПАМЯТИ АЛЕКСЕЯ РЕШЕТОВА

Десять лет как Решетова нет,
Истинного русского поэта.
Стал бедней и горше белый свет,
Стало меньше солнечного света.
Но и всё ж, как словом ни крути,
Всякое бывает в долгой жизни.
Да никто не смог в конце пути
Избежать угрюмо-слёзной тризны.
Отболел поэт, обрел покой.
Где же он, в какой певучей бездне?
Может быть, склонившись над строкой,
Освещает лирикой созвездья?
Он теперь в бессмертии времён,
А от нас – немислимо далёко.
Верю я, что наконец-то он,
Встретился и с Пушкиным, и с Блоком.

Заволжский край и знойный, и буранный,
Не раз пройденный мною от и до,
Где над рекой с ветлы ушанкой драной
Свисает сорочиное гнездо.
А степь шумит ковыльно-хлебной стаяй,
Раскатывая волны за волной.
Летит орёл, века времён листая,
Прокальвает взором край степной.
Подсолнух верховодит огородом –
Небесному светилу младший брат.
Здесь пахарей рождает мать-природа
Богатырям былинным аккурат!
Сюда спешу, мне душу лечат, раны
Польнь, кипрей, осеннее жнивье...
Заволжский край и знойный, и буранный,
Отечество посмертное моё!

Может, будут строить тоже
И для вань, и для наташ...

Валерию Возженникову

Была бы только чистая постель
В своём углу,
была бы кружка чая,
Бумага, мысль... – другая канитель,
Да знать,
что верный друг тебя встречает.

Ещё б здоровья малость ко всему,
Любви немного
и в достатке пищи.
А суету для благ?... – я не пойму,
Когда жизнь тратят
на борьбу за тыщи.

БАЛЛАДА О РАКАХ

Холодно стало, однако.
Лёд на дороге блестит.
Пятятся два старых рака,
Чтобы на гору вползти.

Нет на них зимней одежды...
Но граждане в каждом дворе
Ждут, не теряют надежды,
Что рак засвистит на горе.

В поле – ни звёздочки света,
Путь – хоть клешнями ищи...
Но ждуг ведь, надеются где-то,
А значит: ползи и свисти!

Пятятся старые раки,
Вернуться им совесть претит...
Скажете, это всё враки?
А кто на горе-то свистит?

СОКРОВИЩЕ РИМА: БАЛЛАДА О ГЛАДИАТОРЕ

Нет, ни с кем не сравнить мне тебя –
Ты настолько неповторима!

Едва оттаяв от кошмарных снов,
Я спешно вышел в солнечное утро,
Где птичий хор на сотни голосов
Творил искусство весело и мудро.
В напевах слышались певцы веков,
И возвышало души их творенье.
Оно, касаясь светлых облаков,
Обожествляло землю песнопеньем.
Кошмары прочь,
как хворь, печаль и грусть! –
Как прежде, в сердце радужно и мило,
Когда Шалапин дарит божью Русь,
А Волгу дарит – Зыкина Людмила!

Природа – божья нам награда,
Как хлеб, продутый сквозняком,
Как дол с мятежным родником,
В котором бегал босиком
Со стариковским черпаком.
Природа – в жизни нам улада,
Любовь к ней всасывать бы надо
Не с пятизвёздным коньяком,
А с материнским молоком!

Репей и польнь переходят в камыш,
Где вместе хоронятся птаха имышь.
Слегка раздвигаю природы уют,
А там – родники шепоточком поют!
Припал к одному, и к другому припал –
Моложе Алеши Поповича стал!
Так вот ведь откуда – и этим горжусь! –
Моя зачиналась кондовая Русь!

В честь твою перед схваткой трубят
Гладиаторы Древнего Рима!

Ты увидишь меня среди них,
Предпоследний я с левого фланга.
И припомни: в недавние дни
Управлял боевою фалангой...

Нас разбил ненавистный мне Рим,
И теперь я простой гладиатор,
Но тебе этот бой подарил
Я, хоть властвует здесь император.

...Победившим досталась врагам
Ты богатой добычей в той битве.
Я молился всем сразу богам,
Только не было проку в молитве!

Жребий выпал нам разный с тобой...
Кровь прольют на арене рабы;
По сигналу мы бросимся в бой!
Что терять нам, изгоям судьбы?

Я вложу в схватку ярость и страсть,
Ты увидишь поверженных грудью!
Испытав твоей прелести власть,
Я щадить себя в битве не буду!

...Грудь не спас от трезубца доспех.
С пальцем книзу ты вытяни руку:
Завершит мой соперник успех
И тем самым прервёт мою муку!

Нет, ни с кем не сравнить им тебя –
Ты настолько неповторима!
В честь твою те, кто живы, трубят.
Что ж ты плачешь, сокровище Рима?

Прыгает воробушек, скачет.
Чик-чирик!
То ли он смеётся, то ли плачет.
Чик-чирик!
Где-то клонет зёрнышко, где-то крошку.
Чик-чирик!
То ворону обдурит, а то и кошку.
Чик-чирик!

Илья ДОМНИН,
г. Пермь

ЗА ВЕСЕННИМ НАЛИМОМ

Тёплое майское солнце стоит высоко. Несмотря на то, что зацепилось оно за редкие облака в изумрудном весеннем небе, светит сквозь ели, стоящие гривкой вдоль раскисшей дороги, приветливо.

Из всего пути в деревню особенно трудно достаются последние триста метров. Урча пониженной передачей, внедорожник неторопливо переползает залитые талыми ручьями колеи; потоки журчат звонко, заглушая звук двигателя.

Солнце вдруг выплещивает на капот своё отраженье и заставляет зажмуриться. А за поворотом открывается вид на изгороди и немногочисленные подворья.

Стена леса за поляной — за бывшей поскотиной — гулко отражает щебетанные скворцов. Сидя на крышах своих домиков, они соревнуются в красноречии. Ласточки пикируют на край дороги, присаживаются и тут же взмывают, унося в клювиках частички строительного раствора для своих гнёзд. Лепнина их домиков кучкуется под стрехами высоких изб.

— Где-ж тебя носит? — захавший в свой дом ещё вчера сосед Серёга хвастливо поднимает над заборчиком связку из трёх килограммовых налимов.

— Ух-ты! — завидки начинают разсать меня. — На что ловил?

— На червя. Крупного. Вчера вечером посидел после заката с донками — и вот! — расплывається в улыбке Серёга...

Пик половодья на Вильве уже миновал. Река уложила в берега, но мутная вода стоит ещё высоко. Всклокоченные шапки водорослей и сухой травы на вершинах прибрежного ольховника, разбросанный по прибрежным лугам древесный мусор напоминают о недавней силище и высоте беспощадного весеннего половодья, — страшно, если б застало!

После недолгих хлопот по хозяйству я выношу рыбацкие принадлежности на столик в огороде, чтобы заняться донками.

— Не спеши, Илья! — опершись на палочку, у калитки стоит Михалыч — пенсионер, знаток всего и мастер на все руки. — Здравствуй!

Михалыч неторопливо, по-стариковски заходит в ограду и усаживается на скамейку у столика.

— Ты знаешь какой снастью местные жители об эту пору налима ловят? А? Снасть нехитрая и нехлопотная.

— Я весь внимание, — слатываю я слону. — Очень рыбки хочется.

— Так вот, — важно начинает Михалыч, — перво-наперво вырезают двухметровый хлыст в полтора пальца толщиной. Вбивают в него два гвоздика — мотовильца для укладки лески. К восьми или десятиметровому куску лески потолще крепят грузило; на другом конце — петля вокруг середины прута. За метр и три от грузила на леске завязывают петельки для поводков. Из лески потоньше вяжут поводки с крючками

на конце. Конечно, лучше бы маляву, голяна насадить, да не добыть его сейчас — мутная вода, высокая.

Михалыч достаёт мундштук, неторопливо прочищает его, снабжает сигареткой — закуривает.

— Удить просто: расправил леску, воткнул прут в прибрежный ил под берегом и забросил. Забрасывай там, где за поворотом есть обратная тяга. Вечером поставил — утром снял. Засекается налимом крепко — никуда не денется.

...Через полчаса я уже крепил к ивовым прутам известную снасть.

До вечера ещё далеко. Затопив баньку, занимаюсь хозяйством. Раздобыть породистых червей непросто — земля ещё холодная. Всё же раскопки лопатой — в два штыка глубиной — компостной кучи дают положительный результат.

Начинает смеркаться. Закрываю готовую баньку и, укомплектованный всем необходимым, выхожу на реку. Перед прямухой русла у моста река даёт левый поворот и, переходя в плёс, образует на нашем берегу обратное течение под берегом. Размотав леску, я поднимаю петлю лески на удиле выше и окунаю прут в воду под берегом; через метр с небольшим он достигает дна. Удочку в ил втыкаю покрепче, чтоб не унесло, и регулирую леску на пруте чуть выше уровня воды. Оснащаю крючки, забрасываю там, где обратный поток смыкается с основным — в самое глубокое место. Вторая удочка занимает место чуть ниже по течению, с грузом, в середине омута.

Утро выдаётся прохладным. Рваные клочки тумана собираются у опушки — там, где ещё не растаял снег. Впрочем, подснежники расправили свои венчики навстречу солнцу. И солисты на скворечниках перекрикивают друг друга.

Толстым червем мутная речная вода проползает по своему руслу. Прутья удочек наклонились в сторону туго натянутой лески и слегка вибрируют. На всякий случай я слегка подсекаю и начинаю выбирать лесу, на ходу очищая её от ошмётков водорослей — и скоро добраюсь до первого поводка.

Кажется или что-то бьёт по руке?

Ах, не кажется!

Налим грамм на восемьсот шлёпнул хвостом по воде и перекочевал на берег. Второй крючок пуст и забит травой.

Другая удочка приносит мне ещё одного налима, такого же красавчика, как и первый.

Заматываю лески на мотовильца и, не снимая рыбу с крючка, довольный, направляюсь домой.

Мои домашние ещё спят. Встанут они через пару часов, не раньше, и на завтрак им будет подана душистая налимя уха!

...Недельки через две река уже проиграла — вода в ней стала чище, течение спокойнее. Об эту пору щурята — «карандаши» — выплывают на отмель погонять голянов или погреться на тёплом весеннем солнышке. Я, вооружившись легким спиннингом, иду вдоль берега. К срезу воды сейчас не подойти — ил прибрежная полоса.

Вот уже знакомый плёс и ямка за ним. Первый заброс, второй...

В середине ямки блесна цепляется за что-то. Жалко терять посеребрённую колебалку! Я потихоньку натягиваю лесу в надежде стронуть с места коряжку с блесной. Она поддаётся и...

Вслед за блесной на плёс выползает... кусок старой сети! А в середине лоскута сидит застрявший в сети налима.

Килограмма на два! Живой!

Я перевожу дух не в силах поверить в удачу. Вот же: награда нашла своего героя!

Возвращаюсь домой, немного побродив вдоль реки. Жёлтые бутоны купальниц — у леска — упруго раскачиваются на ветру. Скворцы снуют между опушкой и домиками. Теперь им не до песен — вывелись птенцы.

Разноцветные кофточки огородниц мелькают за изгородями между грядами. Черёмуха склонилась перед окном свои белые локоны. Терпкий запах её медоноса краешком задевает моё обоняние и уносится прочь верхом на лёгком ветерке.

Не помню где, но где-то я читал древний рецепт приготовления ухи из налима. Запомнилось мне, что перво-наперво с налима берут печень и секут её до тех пор, пока она от огорчения не увеличится...

БУРЯ

Надежды на шикарную рыбалку в одночасье рухнули. Немногочисленные мелкие хариуски резво скрывались в водных струях, едва завидев человека.

Там, где черёмуха склоняет свои ветви с гроздьями антрацитовых ягод над прозрачным потоком, в широченной, с полкилометра, низине скрываются среди лиственных зарослей изгибы среднего течения Пелуча — притока Вильвы. Пелуч ничем не отличается от Мутной, Ника, Кухтымки и других притоков, — разве что ещё глуше и недоступнее. Дороги на старинные выруба вдоль речки давно заросли. Вдоль прогала в поросли старой вишеры пролегает звериная тропа, по которой мы с Володькой сюда и добрались. Это самый короткий путь на Пелуч.

Поход традиционно был запланирован на сентябрь. После прошлогодней удачной рыбалки на Нике у нас имелись все основания надеяться на встречу с хариусом и здесь.

Я и Володька, в сопровождении наших верных друзей-ирландцев Дуныши и её сына Ноя, несмотря на ночную ливень — неблагоприятный прогноз — тронулись в путь. По дороге мы изредка останавливались — поманить рябчика. Вальдшнеп, не дав поднять ружьё, стремительно закручивал спираль своего полёта с мочажины в низинке. Впрочем, предстоящая рыбалка торопила нас.

Из бурьяна меж исполинских пней недавнего выруба с треском и недовольным квохтаньем поднимались глухари. Стройная шеренга красноглазых в осиннике приветствовала проходящих «во фронт»...

До устья Пелуча отсюда километра полтора. Безрезультатно побродив вдоль русла с удочками, мы молча разложили костёр и подвесили котелок. Настроение было испорчено.

— Где-ж рыба-то?

— Да, чёрт её знает! Может бобры нам помогли? Реку ниже по течению перегородили. Не зашел хариус в верховья на нерест — и привет!

— На Мутной бобры лютуют — известно. А в устье Пелуча хороших хариусков, говорят, брали раньше.

— Нету рыбы — нет проблемы! Перекусим и пойдём домой.

Желания и сил идти к устью уже не было. Погода опять же портилась. Быстро пообедав, мы тронулись в обратный путь.

Свинцовые тучи не предвещали хо-

рошего. Надежда сухими дойти домой в Боковую таяла с каждой минутой. Через час пути тучи нависли так низко, что вершины елей были едва различимы на их фоне. Шквальный ветер внезапно закрутил павшую листву, поднял её и бросил в лицо. Деревья натужно заскрипели под ураганным напором и поспешили сбросить с себя непрочный балласт — ветки и шишки.

— Вовка! Ты живой?

Попутчик оторвался от меня метров на пятьдесят.

— Иду-у!

Вой ветра заглушал голоса.

Звериная тропа едва угадывалась. Дождь ушатом воды внезапно плеснул на меня справа, и начался сильный ливень. Стало ещё темнее. С тропы, ведущей к дому, меня уже не только сдувало, но и смывало в пересекаемый тропой ложок. Насквозь мокрый, я с трудом угадывал направление.

— Дунька!

Верная подруга уткнула мне в колени голову с мокрыми ушами.

— Ничего, дойдём! Во-о-о-ви-и-к! — прокричал я, однако ответа не последовало.

Я огляделся... и понял, что заблудился. Я был незнамо где — среди леса под проливным дождём. Пришлось мысленно глянуть на карту местности.

Итак, я стою на склоне. Значит, идти вниз — к реке. Вверх по склону — с километр-полтора на идущий по холму зимник. Зимник — дорога домой!

Я решительно взял направление на подъём. Найти отставшего товарища было делом маловероятным, надеялся: Володька — лесовик ещё тот, выход обязательно найдёт! Да и всё необходимое было при нём.

Струи воды по-прежнему низвергались на меня и Дунышу. Страх не было. Лишь тревога бередила душу: как там Володька?

Счёт времени я потерял и... неожиданно вышел на дорогу со следами протекторов. Несомненно, это была дорога на Кыж или на зимник! Но в каком направлении идти? Ориентироваться где расположены северные возможности не было никакой, и тогда я решительно повернул налево.

Теперь я шёл по дороге. Ощущение неизвестности и потерянности постепенно угасало.

Километра через полтора дорога начала петлять и наметился уклон. Затем взору моему открылась лесная поляна, на которой через пелену дождя угадывался контур избушки. В ней оказались сухие дрова, печь-буржуйка, посуда и нары с тремя матрасами. Сухие спички из моего рюкзака, спальный мешок, кое-какая еда и действующий фонарик обеспечили нам с Дунышей комфортную ночёвку. Тёплый бок верного друга согревал меня всю ночь. Однако спалось на новом месте плохо. В душе ворочалась тревога: снаружи по-прежнему клококала буря. Потоки дождя неслись по скатам крыши, раскаты грома перемежались шумом падения сломленных ветром веток...

Дождь закончился под утро. Едва мутный свет проник в оконце, я вышел наружу. Медленный туман, выползая из леса, обволакивал избушку и сваливался в низинку. Тишина резала слух, — лесные обитатели ещё не оправались от ночного стресса.

Я попил чайку из термоса, и мы с Дунышей тронулись в обратный путь. Теперь я уже хорошо представлял, где нахожусь.

— А повернуть-то вчера надо было направо! Домой бы пришёл... Впрочем,

Наталья ГУМЕРОВА,
литературная студия
«Тропа», г. Пермь

ЖИЛ ОДИН ЧУДАК

И. Кузьмину

Когда-то жил один чудак,
Что верил в чудеса...
Воспринимали всё не так
Лукавые глаза...
Взирали радужным огнём
На свет и облака.
И ночь казалась ясным днём,
Под взором чудака...
Он брал перо, он брал листок,
И вот, для детворы,
Приоткрывались между строк,
Волшебные миры...
И развесёлый Звездочёт,
И чистый родничок,
И печь, что каравай печёт,
И Ваня-простачок.
И много-много доброты
Меж строчек видел чтец...
Простой чудак дарил мечты
Для маленьких сердец.
А вырослый, с шариком в руке,
С чудачества сего,
Перемещался в сундуке
В мир детства своего,
Освобождаясь от оков,
Мешающих мечтать...
Побольше б этих чудачков
На свете повстречать!

БЕРЕЧЬ СПОКОЙСТВИЕ ЗЕМЛИ

«...У природы жить учусь!»

Ф. С. Востриков

Что печали и невзгоды!
Я беде не покорюсь...
Вопреки плохой погоде
У природы жить учусь...
В небе облачко примечу,
Заклочу в объятья Русь:
Стан ветлы, берёзок свечи...
У природы жить учусь.
Встанет солнце за рекою,
Внемлю ясному лучу.
Душу песней успокою...
У природы жить учусь.
На признание не надеюсь,
И от славы не кичусь.
За Отечество радею...
У природы жить учусь.

три часа пути под дождем или четверть
часа до избушки – разница есть, – бор-
мотал я себе под нос. – Нет, хорошо,
что всё так удачно вышло, и дай Бог
здоровья хозяину хижины.

Скоро я вышел на зимник и спустя
три часа отпирал дверь знакомой избы
в Боковой.

Володи дома не было.

– Придёт! – уговаривал я себя. –
Есть захочет – придёт.

Через час за ручьём на дороге, вы-
ходящей из леса, показался рыжий со-
бачий силуэт.

– Ной! Ну, слава Богу!

Ещё через четверть часа Володька
рассказывал как ночевал у костра под
огромной елью. Ной согрел его всю
ночь.

Вдоволь наговорившись, мы уле-
глись досыпать.

Мне снилось, как красные глухари
взбивали крыльями чёрные тучи, из ко-
торых сыпались капли, блестящие пер-
ламутром рыбьей чешуи.

Карина ИБРАГИМОВА,
литературная студия
«Тропа», г. Пермь

ПРАВО ДОГОРЕТЬ

Здесь каждый слог цитирует Сократа,
и бренно всё, и стынет горький чай...
И если ты придёшь, моя расплата,
то даже это встречу невзначай,
не прерывая мыслей и событий,
сложившихся в торжественный гранит,
я буду знать, что имя – не забыто,
и перед бурей воздух – недопит.

Так – с перьями в руках – ковать железо,
к пределам ночи подступая враз;
и оставаться – обнищавшим Крезом
своих лоскутных преломленных фраз...

И нет огня! Потухнув, почернело
и вылилось в грохочущую медь!

Когда дойти позволишь до предела,
дай рукописям право – догореть.

Наталья ТРИЦИНА,
студия «Т. И. Р.»,
г. Пермь

БЕДНЫЙ КОЛЯ...

Ей ненавистен запах алкоголя.
А мать её работала в сельпо.
Лишь как-то раз голубоглазый Коля
Пришёл – принёс зарплату из депо.
Он знал, что пить она не будет,
А станет песни громко петь.
И колыхаться будут груди,
А он на них будет смотреть.

И под скрипение дивана
Родится новая семья.
Всё будет честно без обмана:
Дитё, строительство жилья.
Вот только Коля. Бедный Коля...
Гуляет, будто ветер в поле.
От песен крепко он устал.
Другие груди Коля отыскал.
Соседи все о нём судачат.
Он чувствует вину и плачет.

Ангелина ПОПОВА,
литературная студия
«Тропа», г. Пермь

ЗА РАБОТОЙ

Невидимый художник рисовал
Старательно, без проволочек...
Узор блуждал, искрил, петлял,
Дрожал вопросом между строчек...
Глазам не уследить за кистью,
Рукою Мастера ведомой,
Как не пробиться к свету истин,
С древнейших пор людьми искомым...
Зима смеялась за окном
И что-то сыпала в бокал...
Играла музыка. И льдом
Художник рисовал.

Ксения ПЕТРАНОВА,
литературная студия
«Тропа», г. Пермь

ПЕРВЫЙ ЛИВЕНЬ

В океаны разные брошены
И разорваны цепи чугунные,
Как в прощальную ночь-полнолуние
Бить чечётку по лужам калошами.
Громыкает безудержным рокотом,
Восхваляет могущество одой,
Первый ливень, что пахнет свободой,
Рассыпается радостным хохотом.

ОБРЫВКИ ПАМЯТИ

Нам память для жизни дана...
Мы любим, страдаем, смеёмся...
Но, вспомнив, бывшие года
Начать от истоков берёмся...
Нам память для жизни дана...
И стоя потом на распутье
Поймём, что настала пора,
Что было, что стало, что будет...

Нам память для жизни дана...
И с криками птиц на рассвете,
Сегодня и завтра – всегда,
Мир радостен станет и светел...
Когда настигает беда,
Внутри всё клокочет и бьётся...
Надежда, порой, и мечта
Обрывками памяти вьётся...

Галина МАРТЮШЕВА,
студия «Т. И. Р.»,
г. Пермь

РАДОСТЬ

Гулять идешь? Иду.
Сугробы будем мерить.
Сегодня снег пушистый
Легко в него входить.
Смотри, какие горы
За домом у забора.
Какое это счастье
Первопроходцем быть!
Никем ещё не тронуту
Пространство голубое,
И ты, зажмурив веки,
Что б глубоко вдохнуть
Заходишь в это нечто
Чистейшее, холодное,
И грудью и руками
Прокладываешь путь.
Как хочется быть первым
И радостно смеяться,
Но если оглянешься,
То в снег лицом нырнёшь,
И вылезешь залепленный, –
Вот так зимой купаться!
Горячею ладошкой
Глаза быстрее протрёшь.
Испуганно, неожиданно
Все валяются вповалку,
Невидимый обрыв,
И слышен визг, и смех.
Смеёшься тоже рядом,
И что отстал не жалко
Раскинув руки вширь,
Летишь на мягкий снег.
Вдруг странно все затихли
И, как до бесконечности,
Шагнули в бездну неба
Из мира человечности!

Владимир ПАНТЕЛЕЕВ,
студия «Т. И. Р.»,
г. Пермь

ПОПРОБУЙ, ЖЕНЩИНУ ПОЙМИ

Мы до сих пор их знаем мало, –
Попробуй, женщину пойми!
То говорит, что, мол, устала.
То просит: крепче обними.

Едва расстаться с ней успели,
Садится в карты погадать.
Одна не может ждать недели.
Всю жизнь другая будет ждать!

Порой, как буря – на кровати.
То, как монахиня, строга.
И может, кстати, и не кстати,
Наставить милому рога.

Другая – страстная, как порох,
Вселяет в нас греховный бес!..
Мы любим женщин, у которых
Есть к нам, мужчинам, интерес.

Мы их, как крепость, окружаем,
Берём не сходу иногда.
Но всё равно – мы это знаем –
Когда-то нам ответят: «Да».

Анна МОТЫГУЛИНА,
студия «Т. И. Р.»,
г. Пермь

А МНЕ НУЖНА ТВОЯ ЛЮБОВЬ...

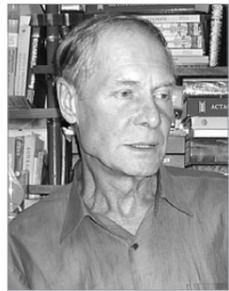
...А мне нужна твоя любовь!
Я с ней приобретаю силу,
Стремлюсь я к свету, к жизни, к миру...
Как феникс возрождаюсь вновь.
Мне так нужна твоя любовь!

МОНОЛОГ МОБИЛЬНИКА

Пусть я мал и с батареей,
Я вам нужен, я живой.
Заливаюсь канарейкой;
Да, при этом – цифровой.
Не краснея, я болтаю
И про секс, и о любви...
Я и сплетни сочиняю...
Тайны мне не говори...
Я тусуюсь с Интернетом –
Он ведь клёвый, он крутой –
Обладает интеллектом,
Хоть страдает ерундой...
Вот и я, дитя прогресса,
Я для вас уже родной.
Но не средство я от стресса,
Я – мобильник. Дорогой...

НЕ ВЕРЬ

Не верь в апрельскую жару –
Наступит майская прохлада,
Когда черемуха в цвету
Благоухает – вот услада!
Замешан яд любви, потерь
В порывах яблоневой стужи.
И выюжит лепестков метель,
А дождь смывает мысли в лужи.
Не верь весне. Из года в год
Она меняет всё наряды,
И от неё полно невзгод...
Хотя и ты меняешь взгляды...

Владимир ЗУБКОВ,
кандидат филологических
наук, г. Пермь

ОТ ЧЕЛОВЕКА К ПРИРОДЕ И ОБРАТНО (проза Михаила Голубкова)

Бывают разные сближения. Читаю подаренный мне недавно уникальный семисотстраничный том. Виктор Астафьев «Нет мне ответа... Эпистолярный дневник 1952–2001». Письмо Валентину Курбатову 20 марта 1980 года.

Писатель Астафьев – чусовлянин по восемнадцатилетнему сроку жительства, спрашивает у литературного критика Курбатова – чусовлянина по рождению про ещё одного выходца из Чусового. «А ещё знаешь ли ты Мишу Голубкова? С углежжения чусовского выполз, из спецпереселенческой сажи и в писателя! Он печатался в «Нашем современнике» несколько раз, издавал книжки в Перми, собирается издать в Москве. Сейчас прислал новую повесть, и мне хотелось бы, чтобы ты её прочёл и шефствовал над ним как земляком».

Спустя семь лет в переписке двух самых знаменитых в русской литературе чусовлян вновь повторится имя третьего, только повод на этот раз будет печальный: «От Миши Голубкова пришло письмо, даже и по черк хлябает от хвори у него. Да что же это такое, что за напасти на нас? В Овсянке неделя без покойника не обходится. Не хворайте хоть вы-то, семью всей держитесь! Обнимаю, целую. Виктор Петрович».

Тревога Астафьева за судьбу молодого прозаика оказалась, увы, не напрасной. В очередном письме Курбатову в начале 1989 года он сообщает о «горькой потере»: «Со смертью бедного Миши Голубкова словно ещё чего-то оборвалось и безысходность какая-то душу охватила – уж больно неподходящий для ранней смерти человек-то был». Как точно, в одной строке схвачена несовместимость нравственно прочного, жизнестойкого таланта Михаила Голубкова со смертью!

Как видим, два десятилетия работы Михаила Голубкова в художественной литературе постоянно проходили под дружеским взглядом Виктора Астафьева. За эти годы имя Голубкова становилось известным всё более широкому кругу читателей в Пермском крае и за его пределами, не было обойдено вниманием местной и столичной литературной критики. В Перми были изданы его рассказы и повести «Деревенские новости», «Родные и близкие», «Где дом твой», «Просека», «Ветровал», «Лога». Московское издательство «Современник» выпустило книги «Даровая дичь», «Крайняя изба», «Напуганный лес».

И жизнь, и творчество М. Голубкова неразрывно связаны с Уралом. В небольшом рабочем посёлке Углежжение близ Чусового прошли его детство и молодость. В литературном объединении при газете «Чусовской рабочий» писались его первые рассказы. Юношеское увлечение лесом со временем стало профессией. Став техником-лесоустроителем, он вдоль и поперёк обошёл родные уральские леса. С этой работой не расстался ни в 1969 году, когда вышел в свет одобренный В. Астафьевым первый сборник его рассказов «Деревенские новости», ни в 1977 году, когда после успеха у читателей повести «Даровая дичь» почувствовал себя настоящим писателем. Он не прерывал связи с лесостроительными экспедициями до последних лет, вероятно, отдавая себя отчёт в том, что Голубков-прозаик во многом обязан Голубков-лесоводу.

Работа, связанная с постоянными разъездами, стала для писателя неиссякаемым источником жизненного материала и размышлениями над людьми, определила круг героев, проблематику произведений. Работа, предполагающая разнообразные умения и навыки, требующая больших физических затрат, научила уважать тяжёлый человеческий труд и писать о нём так, как способен человек, «сам всё это переделавший и знающий дело памятью рук, поясницы, ног, всего забывшего себя в работе тела».

Об этой высокой степени достоверности писал и В. Астафьев, предвзято публикуя в «Литературной России» фрагменты из повести «Просека»: «Я выбрал у М. Голубкова отрывок этот, потому что при чтении ощущал своей кожей, мускулами, костями: труд, он – труд, и никакой тебе не праздник, на котором диспуты разводят и песенки поют».

Работа лесостроителя определила и особое отношение писателя к природе: это отношение работника, профессионала. Не случайно в качестве эпиграфа к одной из своих книг Голубков взял слова Г. Торо, имеющие для него программное значение: «Рыболовы, охотники, лесорубы и другие, проводящие жизнь в полях и лесах, где они как бы составляют часть Природы, лучше могут её наблюдать в перерывах между работой, чем философы или даже поэты, которые чего-то заранее ждут от неё».

Разумеется, написанное Голубковым о природе далеко выходит за рамки заметок с натуры. Природа, являясь, по существу, главным героем любого его произведения, будь то большая повесть, рассказ или миниатюра, интересует автора не сама по себе. В центре неизменно оказываются взаимоотношения природы и человека. Обращаясь по преимуществу к драматическому, а порою и трагическому варианту этих отношений, автор убедительно показывает, что разлад с природой ведёт к утрате человеческого в человеке. «Отношением к природе можно проверять нравственную состоятельность современного человека», – считал М. Голубков.

Наверно, потому так устойчива в его прозе тема «даровой дичи». Даровая дичь – та, что не требует платы, та, за которую никто не несёт юридической ответственности. Она ничейная, какой, казалось бы, может быть за неё спрос? Однако помимо ответственности юридической, существует суд совести, если человек не до конца растерял себя. Уходит безнаказанным техник Воронов («В марях»), сгубивший целое озеро. Желая разжиться окуньками, он расставляет сеть в надежде вернуться за богатой добычей. Но обстоятельства складываются так, что Воронов появляется на озере только через полтора месяца и не находит ни сети, ни водоёма: околелшая, протухшая рыба превратила его в гнилое месиво. Для автора Воронов – конченный человек, неспособный осознать собственное преступление, раскаяться в содеянном. Поэтому в финале герой озабочен только тем, чтобы достать новую сетку и найти ещё где-нибудь добычливое место. Суд совести ему неведом.

В рассказе «Речная проба» – сходная ситуация. Таксатору Леонтьеву выпала удачная ночная рыбалка. Почти неподъёмный, туго набитый ленками рюкзак – таким оказался улов, ко всеобщему огорчению, полностью протухший к утру. В обоих случаях герои остаются ни с чем, и этим уже наказываются. Но есть между ними разница. Дело не только в несоизмеримых масштабах нанесённого ими ущерба (целое озеро и рюкзак). Они по-разному реагируют на печальный исход дела. В отличие от успокоившегося Воронова, Леонтьев не может найти себе оправдания: «Что это было с ним? Умопомрачение, наваждение какое-то. Дорвался до лёгкой добычи. Забыл всё на свете...» Ситуация «даровая дичь» стала для героя серьёзным нравственным испытанием, и есть надежда, что оно послужит ему хорошим уроком.

В повести «Даровая дичь» (1977) мотив, обозначенный в заглавии, разработан полнее и глубже, чем в рассказах. Тракторист Иван Глухов сначала пытается спасти попавшую в трясину лосянку. Накидывая ей на шею петлю, он думает, «что чуть расшевелит зверя, а дальше он и сам выберется». Но вышла осечка: вызволненное таким образом животное оказалось мертво. Испуг («Чёрт, натворил делов! Теперь докажи попробуй, что не нарочно») длится недолго, ему на смену приходит расчёт («А зачем доказывать? Кому доказывать? Ведь никто ничего не знает!»), перерастающий в радость, в нескрываемое торжество («Славно он утрёт всем носы в посёлке, лосятиной обеспечится на зиму»). Случайная даровая добыча окончательно отделила от людей и без того замкнутого Ивана. Участь отвергнутых разделили с ним жена и сынишка. Немало пришлось потрудиться душе героя, прежде чем понял он, что жить в одиночку невозможно, что нарушение нравственных законов ведёт к разладу с самим собой.

Мотив «даровой дичи» звучит и в повести «Лога» (1988). Её герой Ларька становится свидетелем волчьей расправы над лосем-подранком. «Да что волки, – размышляет автор, – люди не лучше. Взять, по-

ложим, того, кто стрелял в лося. А чем, скажем, лучше отец Ларьки, которого он ни разу в лицо-то не видел? Ну не подонок ли, не волк? Бросил их одних с матерью и за ухом не чешет».

Сам Ларька незаметно для самого себя вступает на порочный путь: пытается похитить куницу из капкана деда Игнатия. Пойманный с поличным, стреляет в старика, ранит его и бежит с места преступления. Но не под силу оказалась парню такая ноша, слишком дорого обошлась ему «даровая дичь». Хотя в основе повести лежит тяжба охотника Игнатия и его односельчанина Ларьки, в центре внимания автора оказывается природа, безжалостно уничтожаемая человеком. Разное отношение к варварскому истреблению природы и столкнуло Игнатия с Ларькой, предопределило драматическую развязку.

Природа – это Плутахинский лог, тёмный, дремучий, сонный, заросший вековым перестойным лесом, у которого «не было тайн от Игнатия». Проститься с ним, «лесу спасибо сказать, низкий поклон сделать» выходит в свой последний сезон старый охотник. Природа – это и один из обитателей лога, куны Одноухий. Шесть глав отданы автором рассказу о его повадках, заботах, огорчениях, нехитрых радостях, даже снах и воспоминаниях. Одноухий – сильный, опытный зверёк. Ему удалось вырваться из капкана, избежать расправы над собой. Он постоянно настороже, боится всего, что связано с человеком. И не напрасно. Мы оставляем куны в его лежбище, блокированном огнём. Одноухий неутомимо ищет выход из западни. Не так ли и природа в целом, несущая на себе следы варварских прикосновений, ещё жива, но уже обречена?

Одна за другой возникают в повести приметы разора. Дорога, превращённая нефтяниками в сплошную реку грязи, не просыхающую даже в самую жару. Захламлённая разной гнилью просека, не знавшая лесостроительства. Изрытые лесные тропки. Перемешанный с землёй малинник. Сваленный как попало лес. Скошенные для удобства прокладки трубопровода косогоры. Резкий нефтяной запах, «запах гаражей и ремонтных мастерских» в лесу, перебивающий «терпкий запах ольховника, запах преющего осеннего листа и трав, запах кустов смородины». И всюду нефть – в канавах, в логах. Тёмные клейкие метины на прибрежных кустах. Плывущие по воде жирные рыжие сгустки мазута, маслянистая радужная плёнка в тиховодных омутах. «Рыба уходит, скатывается из этих речек, зверь далеко стороной обегает. Лога, по которым текут эти речки, становятся мёртвыми».

Ушла жизнь и из Плутахинского лога, издавна служившего Игнатию охотничьим угольем. Обнаруженный им на речном перекате маленький харюзишка, отчаянно сражающийся за своё существование, харюзишка, которого и «в рот не возьмёшь, нефть поди голимая», воспринимается как символ оскудения некогда богатого края.

«Чёрная-чёрная речка по белому-белому снегу» – пока это, как говорится, частный случай: нож бульдозера нечаянно зацепил за нефтепровод, и суточная утечка нефти так чудовищно преобразила пейзаж. Но это и вполне реальная перспектива, это наше будущее, и не столь отдалённое, если общество не откажется от своих заблуждений, от наивной веры в то, что нефть окупит уничтожение природы. «От нефти никто не откажется, тут экономика, государственная мощь, престиж. Без нефти, как говорится, и ни туды, и ни сюды», – наставительно изрекает шофёр-нефтяник.

– Гребём-то, гребём... А что будет, когда выгребем? – Учёные говорят – надолго хватит, а там что-нибудь придумают.

Нет у людей ответа и на другие, столь же острые вопросы. Почему у коренных деревенских жителей пропала любовь к земле? «Ни мору ведь, ни войны давно не было... Куда все разъезжаются, куда притыкаются?» Вспоминает дед Игнатий своих семерых ребят, разлетевшихся по городам. Собрать их он надеется разве что на свои похороны.

«Где нас только нет, деревенских», – говорит шофёр-нефтяник. Незавидная доля – заниматься не своим делом. Скоро разделит её ещё одно поколение: нынешние призывники мечтают скорее расстаться с домом. «Многие ли вернутся обратно? – размышляет автор. – Да и будет ли она жива-здоровая, Кондратьевка, через два-то года? Растекается куда-то народ. Вот ведь какое половодье накатило, вымывает и вымывает людей из деревень. И будет ли конец этому?»

Есть в повести и спешащие оправдать любую бесхозность разлагольствованиями об объектив-

ной неизбежности, как это делает Семён Лазаревич, преподаватель техникума. Советует поменьше отчаиваться, ведь непредвиденных аварийных случаев может быть бесчисленное множество. Такие умствования особенно раздражают Игнатия. За ними он видит равнодушие, боязнь ответственности. Эти «философы» способны довести землю до катастрофы, видение которой регулярно посещает Игнатия во сне: земля лопается, дробится на мелкие кусочки и несётся в беспредельном пространстве рассыпанной пылью.

Игнатий не может сидеть сложа руки. И хотя его последний поступок – попытка остановить нефтяную лаву ценой собственной жизни – кажется почти безумием, старик достоин не только сочувствия, но и уважения как человек деятельный, отказывающийся мириться с безобразием.

Голос автора в защиту природы становится порою откровенно публицистическим, как, например, в миниатюре «Напуганный лес», давшей название одной из последних книг писателя. Здесь рукотворная чёрная туча («Это нефтяники жгли нефть, скопившуюся в ямах»), мгновенно прекращающая торжество жизни в весеннем лесу, сравнивается с ядерным грибом, а состояние напуганного леса – с ужасом, что испытывает человек, видя на телевизионном экране атомный взрыв.

Отношение человека к природе – критерий его человечности. Так ставила вопрос русская классика, так ставят вопрос современные авторы, не устающие повторять: потребительское отношение к природе неизбежно оборачивается нравственными потерями, бездумное вторжение в естественный мир грозит человечеству гибелью. Наиболее отчётливо эта мысль звучала в так называемой деревенской прозе, к авторам которой можно отнести и М. Голубкова. Его сближают с В. Распутиным, В. Беловым, В. Астафьевым пристальное внимание к противоречиям, которые несёт научно-технический прогресс, устойчивый интерес к уходящим в прошлое народным характеристикам, живущим в ладу с природой.

Истоки доброты, мудрости, жизненной силы деда Игнатия («Лога»), старухи Кислицыной («Малые Ключики»), бабки Алины («Крайняя изба») в слиянии с естественным миром, неотъемлемой частицей которого они себя ощущают. В этой гармонии природного и человеческого выражен нравственный идеал писателя, с болью повествуя о том, как пустеют деревни, как «чье-то теперь сердце томится, рвётся назад». Ностальгия по «малой родине» мучает Митю, с годами понявшего, что «никогда от этого не избавиться», не оставляет она и Назара Чарушина, его жену Евгению («Малые Ключики»), Ваню Олюнина («Крайняя изба»), чьи души «остались и бродят по этим вот благословенным местам».

В галерее человеческих характеров, созданных М. Голубковым, есть и настоящие открытия, каким представляется Ефим Прокшин, герой повести, которая в разных изданиях называется по-разному: «Путь», «Тина», «По совместительству». Колхозник Ефим Прокшин, по совместительству егерь на приписном озере, выполняющий требование хозяев – торгового начальства, силой пытается выдворить с угодий непокорного Таисия, местного жителя, предьявляющего свои права на охоту в этих местах. В состоянии крайнего возбуждения егерь убивает парня ударом шеста. Нелепое убийство на первый взгляд может показаться случайным: не оступись парень в лодке, остался бы жив. Но беда должна была произойти. Присмотримся внимательнее к характеру Ефима-убийцы.

У него немало достоинств: в прошлом фронтовик, в колхозе на хорошем счету. И должность егеря получил именно за то, что был исполнительным, усердным. Положенную плату отработывал сполна. «Всё лето Ефим рьяно присматривал за Сартыкулем, выпроваживал с него кушечских мужиков, пробовавших ставить сетки на карасей, гонял по весне ребятню, охочую до утиных яиц, крепко ругался с колхозными пастухами, чтобы не подпускали скотину близко к озеру. Было, короче, озеро под надеждой защитой».

С каким неподдельным волнением ждал он гор-торговцев, заранее предугадывая возможные их желания, даже овцу зарезал, думая попотчевать свежей баранинкой. В этом напряжённом ожидании, в том, как суетился он возле стоянки, нельзя не заметить откровенного стремления угодить хозяевам. Чем объяснить такую рабскую услужливость? Может быть, приезжие – действительно достойные люди и вправе

рассчитывать на заботу и внимание? Ничуть не было. Насчёт их морального облика у Ефима никаких сомнений нет. Неужели восемьдесят рублей, которые он ежемесячно получает под видом экспедитора, решили исход внутренней борьбы? Зарплата, конечно, обязывала, а то, что шла она незаконно, лишало свободы, ещё более привязывала к хозяевам. Но дело всё-таки не в деньгах, и повесть не о том, как стубили они ещё одну душу.

Дело в том, что сама душа пребывает в рабстве. Вот характерная деталь: Ефим встречается с незнакомыми людьми и сразу же пытается выяснить, кто из них главный, чтобы в зависимости от положения человека выстроить с ним отношения, обеспечить, к примеру, главного лучшим местом на охоте. Ещё никто ничего от него не требует, а он уже готов предупредить любое желание начальника. «Сам Ефим никогда не перечил, всегда добросовестно исполнял требования начальства, на то оно и начальство, чтобы требовать». Оставляя в стороне выяснение социальных корней этой жизненной установки, автор сосредоточивает внимание на её нравственной ущербности.

Уважая должностных лиц и сам оказавшись при должности, Ефим жаждет уважения и к себе как к ответственному лицу. Отказ молодого Таисия подчиниться егерской власти воспринимается им как покушение на его жизненное положение. Обвиняя парня в неуважении к своему возрасту, боевым заслугам, боевым ранениям, Ефим не в силах понять, что он сам запятнал высокое звание фронтовика, прислуживая рвачам и хапугам. Вина Ефима, волею случая расплачивающегося и за чужие грехи, неоспорима. Во все времена с молчаливого согласия таких «маленьких людей» совершались злодеяния.

Несомненной удачей М. Голубкова является и характер Семьи Ветрова, главного героя повести «Просека» (1983). С ним мы встречаемся в тот момент, когда он вернулся из очередного странствия за лёгкими деньгами, но, увы, почти с пустыми руками. После скандального объяснения с женой, стремясь оправдаться, он отправляется на поиски новой шабашки и оказывается в лесоустроительной экспедиции. Результатом трёхнедельного изнурительного труда стала желанная «тыщонка», которую у него выкрали на обратном пути его же напарники. Дома он обнаружил, что потерял не только деньги, но и семью: жена, забрав дочь, ушла от него. Пустая квартира, на пороге которой автор оставляет героя, «пригвоздила, оглушила Семю своей нежилой пыльной тишиной».

Такова событийная канва повести. Попытаемся разобраться, в чём нравственный смысл этой печальной истории. Сила, влекущая Семю на волю и в конце концов становящаяся причиной жизненных неудач, сродни недугу. Каждую весну налетевшие с юга шальные тёплые ветры лишали его покоя, он тосковал, томился. «Не подступись тогда к нему – согнутый, молчаливый, раздражённый ходит, ничего не мило, из рук всё валится». Спасает испытанное средство – дорога: «Только в дороге, в поезде или самолёте он помаленьку и излечивался, нутро освобождалось от непонятного, гнетущего груза».

Начало своей бродячей жизни Семя связывал с неудачной попыткой осесть на одной из сибирских молодёжных строек, куда приехал с товарищем сразу после демобилизации. На стройке не поняли их благих порывов и не взяли: не было путёвок, не было строительной специальности. Но главное, парни не знали сами, чего хотят. Наверное, потому так легко отказались от своей мечты («хотелось ударниками быть, греметь на всю стройку, а то и на всю страну») и вполне удовлетворились местом рабочих в топографической экспедиции, «где жизнь вольная, романтическая, геройская, можно сказать, жизнь!»

И пошло-поехало с той поры, пока герой не понял, «что его куда-то не туда затачивает, что надо срочно менять жизнь, направить её в более надёжное русло». Так был «брошен якорь», появилась семья – своего рода спасение и укрытие, а позже и оправдание новых, время от времени повторяющихся приступов бродяжничества. «Дорога, места новые – вот жизнь! И ещё работёшка выгодная. Семья у него, обязанности, дом какой-никакой. Заботушка, словом». В этом он стремился убедить близких, а ещё более самого себя.

Есть в повести один, казалось бы, малозначительный эпизод. Стремясь понравиться случайной попутчице, Семя называет себя инженером-таксатором, а когда оказывается уличённым в лжи, искренне при-

знаётся: «Хочется быть немного лучше, чем ты на самом деле». В этом весь Семя – бич, который никогда не сознаётся в этом и будет раздражаться, когда бродяги липнут к нему, чувствуют в нём «равного, близкого себе человека. Хотя какой он им ровня, какой сват-брат? – рассуждает герой, – он ведь не всегда, не круглый год ошивается по вокзалам и экспедициям, у него семья, у него свой прикол есть».

Мой дом – моя крепость? Но именно семью и предаёт он в первую очередь, ударяясь в бега, уезжая куда душа позовёт. Самоустраиваясь от исполнения семейных обязанностей, он не перестаёт повторять, что радует о семейном благе, и делает это без тени сомнения в собственной правоте. Считает, что не забывал отца с матерью, нет-нет да и высылал им деньги из сибирских далей, помогал сестрёнке, а то, как она управляется с двумя детьми и с доживающими свой век родителями, его не беспокоило. И теперь он полностью доверял жене воспитание своей дочери, гордился, что живут они, не зная нужды, ни в чём себе не отказывают, а то, что жена каждую весну чернеет от слёз и дочь растёт без отца, в расчёт не брал.

Семя сознательно предпочитает бродяжничество работе на заводе. Это предприятие «строгое, серьёзное. Дисциплина там, по звонку приходи, по звонку уйди. Там профком, там собрания, там твоим моральным обликом займутся. Опасно увязать в заводской каше». Зачем ходить на работу каждый день, когда из экспедиции в любой момент можно податься, удариться в загул, побузить в чайхане, устремиться по шашлычным. Можно подождать, когда придёт пора шишкования или неделки две поездить с рыбаком-браконьером по верховьям речушек... А после этого рассуждать, что нужна, заботушка гонит его из дома».

А работа? Работа всё равно какая: «землекопом так землекопом, в Азию так в Азию». Когда вольная жизнь становится не в радость, Семя, кляня её, посылую, рисует в воображении прелести осёдлой заводской жизни: «Стоял бы сейчас у станка на каком-нибудь заводе, делал бы какую-нибудь продукцию». Всё равно какой завод, всё равно какая продукция. Равнодушен герой к роду своих занятий. Поэтому так трудно ему понять учёных-археологов, которые «копаются в земле, как кроты какие, возятся с черепками. А и задарма вроде. Оклады – не похващаются, все, как и рабочие, как и студенты, терпят житьё в палатках, солнце дурное и пески». Не понимает он, что в погоне за длинным рублём не способен испытывать радость от самой работы.

Вспоминая о минувших сезонах и сетуя на постигшую его неудачу в нынешнем, Семя констатирует: «Как всё отлично обошлось тогда... как удачно позапрошлым летом вывернулся». Обошлось, вывернулся – так он и перебивается – гостем в семье, временщиком на работе. О таких людях, именуемых архаровцами в повести В. Распутина «Пожар», написанной в те же годы, сказано: «Обозначился в последние годы особый сорт людей, не совсем бросовых, не потерянных окончательно, которые в своих бесконечных перемещениях не за деньгами гоняются и выпадающие им деньги тут же с лёгкостью спускают, а гонимы словно бы сектантским отвержением и безразличием ко всякому делу. Такой ни себе помощи не принимает, ни другому её не подаст, процедуру жизни он исполняет в укороте».

И хотя герой отказывается признать свою принадлежность к бродячей шатии, мысли и поступки его выдают духовное родство с архаровцами. Кстати отметим, архаровцы у Распутина – не чужеземцы, а свои. Есть среди них и сёмы ветровы, признающие свободу лишь для себя и не знающие обязательств перед другими.

В финале повести сбилось пророчество одного из бичей, некогда всерьёз испугавшее Семю: «Вот погоди, уйдёт от тебя жена, доедешься, домотаешься по экспедициям. Вместе с детьми уйдёт, останешься ты один, как перст». Как сложится судьба Семьи? Станет ли потрясение, испытанное им, началом конца или заставит пересмотреть отношение к жизни? Этот вопрос автор адресует читателям, которых история Семьи не оставила равнодушными.

Лучшие повести и рассказы М. Голубкова – о заблуждениях, ошибках, утратах и обретениях человека, о выборе нравственных ориентиров на нелёгкой дороге жизни. Судьба отмерила М. Голубкову недолгий срок жизни, но в добрых и честных книгах он сумел сказать своё слово о вечности, о союзе человека и природы, о любви и хищничестве в этом вечном союзе.

■ ВРЕМЯ

Андрей ЗЕЛЕНИН,
Союз писателей России

Я БЫЛ БЫ ГИТЛЕРОМ

Весна сорок четвёртого оказалась доброй. За зиму в деревне никто не умер, и ни одной похоронки не пришло с фронта. Санька радовалась, что все её оставшиеся подружки живы: и Клашка, и Тонька, и Зойка-мелкая. В прошлом году она по весне быстро ревела, когда Зойку-большую на кладбище свезли, когда Дуньку схоронили – от голода они так, не выжили. И взрослых много умерло, даже последнего мужика не стало: дед Илья по февралю за сеном в соседнюю деревню ездил, а валенок нет, на ногах сапоги старые – вот и простыл, горячка его свалила. А нынче, хоть и морозило, хоть и выюжило, хоть и коровы на ферме доиться меньше стали – а всё равно хорошо: душа чему-то радуется, и ничего с ней не сделать!

На ферме, на задах овраг. К концу марта снег в полях на убыль пошёл, а в овраге – нисколечко. По вечерам, когда свободная минутка, вся ребятня деревенская за фермой собиралась. Прыгали. В снег. Он не первый – лёгкий да пушистый, последний – липкий да хватучий. Прыгнешь с оврага вниз солдатином – руки по швам – и аж сердечко замирает: а ну как останешься в овраге навсегда! В снег-то по грудь улетаешь, а то и по шею – так обхватывает, не пошевелиться. Пока кто другой не

откопает – сам не выберешься. Потому и ходили кучей: один другого выручал.

Все знали: прыгать по очереди надобно, а тут – видать не одной Саньке радость разум затмила – все ухнули! Да хорошо-то как! Девчонки – из-за веса мелкого – по грудь, парни – чуть ли не по горлышко!

Сперва, конечно, хохотали – дурачились. После загрузили. Подёргались в надежде, что снег объятья ослабит – наоборот вышло: ещё глубже ушли. Кричать стали, да овраг глубокий, крики до фермы не долетают.

Николка, как самый старший, решил:

– Хватит орать! Силы только трагитим. Подождём.

– Чего подождём? – Санька не поняла.

– К ночи нас хватятся, искать пойдут. Куда? Ну, сначала по домам пройдутся, а потом сюда – куда больше? – Николка разъярился.

– А-а! – Санька протянула. Затем испугалась – А мы не замёрзнем? Как дед Илья?

– Скажешь тоже! – Гришка, младший брат Николкин в разговор встрял.

– Дед Илья как замёрз? Он же полем ехал! Его ветрами ознобило. А мы в снегу! Снег – он тёплый, если в нём не дёргается. Озимые под снегом вон как вызревают! А медведи по берлогам... Живут же!

– А если медведь сюда придёт? – Зойка-мелкая перепугалась.

– Скажешь тоже! – Петька, брат её, захохотал. – Медведь! Медведи зимами что делают? Спят! Это только волки...

– Ой! Волки! Ой! – Тонька с Клашкой заикались. – А если они сюда придут? Что делать?

– Не орать! – снова Николка слово взял. И разговор в сторону увёл: – Давайте лучше про другое говорить.

– Про что? – Санька зубами клацнула – то ли от холода, то ли от страха. –

Да и сколько говорить? И когда нас искать пойдут?

Николка запрокинул голову, глянул на тёмное небо:

– Когда пойдут, тогда и пойдут. Не бойсь, не замёрзнем! А поговорить...

– Эх! – вздохнул Гришка, опять перебив брата. – Если бы я мог, я бы лётчиком стал. Гастелло! Я б самую большую колонну фашистов выбрал, и как шарахнул бы в неё самолётом!

– Насмерть?! – ахнула Тонька.

Санька знала, что Гришка ей нравился, поэтому тихонько – про себя – фыркнула.

– Ну, почему – насмерть? – солидно произнёс Гришка. – Я бы успел на парашюте, в лес.

– И упал бы неудачно, и ногу бы сломал, – повела свою мысль Тонька. – А я бы медсестрой была, и тебя нашла бы, и ногу бы твою перевязала, и сто тысяч вёрст на себе до наших несла! И вынесла бы!

– Это хорошо! – усмехнулся Гришка. – Только это не ты бы меня несла, а я тебя!

– Почему это? – изумилась Тонька.

– Так ты бы замёрзла и ноги-руки отморозила, а бы тебя на спину взвалил, и сам бы до наших донёс! – гордо заявил Гришка. – Я бы и со сломанной ногой...

– Да ну! – перебил ребят Петька. – Лётчик! Медсестра! Вот я, если бы мог, я бы Ворошиловым был! Я бы одну армию на фашистов слева, другую – справа, третью...

– Мелко плаваешь! – не дал договорить Петьке Николка. – Вот если бы я мог, я бы Сталиным стал! Я бы армии Ворошилова на фрицев с юга, Будённого – с севера, а Жукова – по центру. А потом бы Черчиллю позвонил и сказал бы: «А ну, давай уже второй фронт! А не дашь, я по тебе «катушей» ка-ак жажну!»

– О-ой! – протянула вдруг Клашка. – А вот я, если бы могла, я бы «кату-

шей» стала!

– Чем тебе твоё-то имя не нравится? – удивился Николка. – Вырастешь – Клавдией звать будут. – И, шмыгнув носом, серьёзно заявил: – Катериной тебе не идёт!

– Так я не Катериной! Я – «катушей»! – по второму разу выдала Клашка. – Представляете, я бы сама по фашистам снаряды пускала! По их танкам! По пушкам! Я бы их всех! За папку! За брата!

Все замолчали, и только Зойка-маленькая вздохнула:

– А я не знаю кем бы была, если бы могла...

И в этот самый момент над их головами раздался голос:

– А я, если бы мог, Гитлером был бы!

На краю оврага сидел Грицько. Этого парня, эвакуированного с тёткой с Украины, в деревне недолюбливали многие. Со старшими не здоровался, малышней обижал, второй год сидел в пятом классе. Говорил, что наши солдаты, сдавшиеся немцам в плен, не предатели.

– Ты! Гитлером?! – вскипел Николка.

– Ты?! – взъярились Гришка с Петькой.

– Да мы тебя! Да дай только руки достать! Гад! – ребята завозились в снегу, увязая в нём глубже и глубже.

Санька тоже кричала какие-то ругательства. И девчонки.

Грицько, не отвечая, спокойно спустился в овраг, вплотную подошёл к Николке, присел перед ним на корточки и сказал:

– Был бы я Гитлером, взял бы пистолет, и застрелился бы. И тогда войны не было бы. И батяка мой с мамкой живы были бы.

Потом Грицько откопал Николку и так же спокойно, как спустился, поднялся из оврага к ферме и исчез в сгустившейся над деревней темноте.

■ ТУЕСОК

Валентина ТЕЛИНА,
Союз писателей России

ТУЕСОК

– Туесок, туесок, ты куда ходил?

– В лесок.

– Что ты видел там?

– Стрекоз, ёжика и птичку.

– Что же ты домой принёс?

– Принёс земляничку.

– Туесок, туесок, ты куда идешь?

– В лесок!

Буду ягоды искать на лесной поляне.

Не хочу, как хлам, лежать на боку в чулане!

МУХОМОР

Шапочка атласная,
Красная-красная,
Белые горошины
Поверху брошены.
А на ножке – белый бант.
Это что ещё за фронт?

Как на праздник
Вырядился,
На поляну выкатился.
Похваляется,
Удивляется:
– До чего ж я хорош!
Почему не берёшь?

БОРОВИЧОК

Белый гриб-боровичок
Притаился – и молчок!
Думает, что я простаю,
Не найду его никак.

Осторожно ель седую
Потихоньку обойду я,
Погляжу со всех сторон,
Поищу... А вот и он!

ОПЯТА

Вот пень,
А вот – опята:
Мама, папа
И ребята.

Спрыгнул вниз
Один опёнок.
– Ой!
Заблудится ребёнок!

ВОРОБЬИНЫЕ ПЕСНИ

Только в окошко
Заглянет рассвет,
К нам прилетает
Пернатый сосед.

Звонкой и радостной
Песней своей
Выспаться
Мне не даёт воробей.

Бодро чирикает:
– Что же вы спите?
Утро какое!
Взгляните! Взгляните!

Много ли надо
Бесхитростной крохе?
Хлеба пшеничного
Вкусные крохи.

Много ли надобно
Серой пичуге?
Горстку зерна
Для себя и подруги.

Много ли надо
И мне поутру?
Солнечных зайчиков
Видеть игру.

И, как весёлые
Добрые вести,
Слушать сквозь сон
Воробьиные песни.

■ ФЕСТИВАЛЬ

ПЕРМСКАЯ БУКА – ДЕТЯМ

Продолжается Фестиваль «Пермская Бука».

Его участниками могут быть все ребята Пермского края.

Для этого нужно всего лишь прочитать произведение (книгу) пермского детского писателя (по желанию – любого) и создать образ героя произведения или книги: рисунок, скульптуру, поделку, написать отзыв, эссе или очерк...

Уважаемые взрослые, – педагоги, библиотекари, – поддержите своих детей: участвуйте в фестивале школами и районами! У всех есть возможность победить, встретиться с настоящими писателями и получить заслуженные награды.

ЧИТАЙ! ВЫБЕРИ! СДЕЛАЙ!

Пермская краевая организация Союза писателей России:

г. Пермь, ул. Сибирская, 30. Телефон 8 (342) 212 43 28.
E-mail: permsprossii@rambler.ru.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Пермская краевая общественная организация
Союза писателей России
Газета «ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» зарегистрирована Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций по Пермскому краю.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 59-05-76 от 26.08.2011.

Главный редактор — В. В. Якушев
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
В. А. Богомолов — отдел прозы
В. Ф. Гладышев — отдел публицистики
А. Г. Гребнев — отдел поэзии
А. С. Зеленин — отдел детской литературы
Выпускающий редактор — А. С. Зеленин

АДРЕС РЕДАКЦИИ / ИЗДАТЕЛЯ:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30, Дом писателя.
Телефоны: 8 (342) 212 14 97, 212 43 28.
E-mail: permsprossii@rambler.ru
Сайт: www.pisatel.perm.ru
Рукaписи не рецензируются и не возвращаются.
Все материалы принимаются в электронном виде.

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
«ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» № 3 (9), 2013 г.
Подписано в печать 6.05.2013. По графику: 16.00. Фактически: 16.00.
Газета отпечатана в ООО «Кунгурская типография»:
Пермский край, г. Кунгур, ул. Кривинская, 7.
Заказ № 2428. Тираж 2000 экз.
Газета выходит не менее двух раз в год. Распространяется бесплатно.